

ОБРАЗ ЭРЗЯНИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ А. М. ШАРОНОВА

THE IMAGE OF ERZIA LAND IN THE POETIC VIEW OF A. M. SHARONOV

Рецензия на книгу: Шаронов А. М. Монологи: стихотворения. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2019. – 512 с.

Book review: Sharonov A. M. Monologues: poems. – Saransk: Krasnii Oktyabr' Press, 2019. – 512 p.

Ярким событием литературной жизни Мордовии стал выход в конце 2019 г. новой книги «Монологи» известного поэта, фольклориста, литературоведа, автора национального эпоса «Масторава» А. М. Шаронова. Это третья поэтическая книга автора. В отличие от предыдущих изданий, соединивших в себе стихи и прозу, она является исключительно поэтической и включает в себя избранные стихи, преимущественно написанные в новом тысячелетии. Поэт предлагает читателю не просто «монолог» отдельной творческой личности о волнующих ее проблемах, а единый развернутый философский взгляд на прошлое, настоящее и будущее многонациональной России, в которой особое место занимает образ Финно-Угрии, объединивший древнейшие народы с их культурой, мифологией и традициями:

О, Финно-Угрия! Сто стран
и сто имен:
Хунгария, Эстляндия, Суоми,
Мокшания, загадочное Коми
И Русь, где я «словеном» наречен...
Соцветье многоликое племен
От Балтии до берегов Аляски
Живет в пространствах,
где гуляют сказки,
Перемешав течение времен [с. 16].

Выстраивая лирический сюжет книги (а перед нами, безусловно, книга стихов, с определенным проблемно-тематическим комплексом), поэт

прежде всего акцентирует внимание на образе своей малой родины – удивительной страны Эрзянии, перерастающем в образ духовного дома эрзянского народа. Именно этот образ является сюжетообразующей основой книги. Отсюда центральным мотивом становится мотив мифологизации Эрзянии, репрезентации ее как сакрального древнего мира, населенного множеством языческих богов, сказочными и былинными героями. «Монологи» представляют собой своеобразное лирическое повествование, в котором синтезируется взгляд поэта, философа, патриота и ученого-фольклориста, что, безусловно, расширяет границы лирического высказывания, при этом образ лирического героя становится максимально приближенным к образу автора. На протяжении всего поэтического сюжета чувствуется неразрывная связь поэта с родной землей:

Эрзяния – видений дивных сонм.
Эрзяния – распеви чудных песен.
Эрзяния – поэта светлый сон,
Эрзяния – поляна майских весен.
<...>
Как солнца дочь, сама Анге-Патяй,
Эрзянки светом и теплом исходят.
Цветет в них в каждой
ландышевый май,
Поет о красоте своей природа.
Комлява веселится в них весь век,
По улицам их с песней-пляской
водит.
Ведява у больших и малых рек,
В любовь играя, с ними
хороводит [с. 20].

Поэт осознанно отказывается от хронологического принципа построения книги, актуализируя ее тематическую направленность. Стихи, написанные в новом тысячелетии, объединяются со стихами, созданными в начале 1960-х гг., что подтверждает неизменность чувств и эмоций автора, его безграничную любовь к России и ее национальному многоцветию. Произведения передают всю гамму чувств и эмоций поэта, творчество которого становится неотъемлемой частью России, ее богатого культурного наследия:

О, я люблю Эрзянию мою
Под месяцем и юным, и ущербным!
Я, как Пургас, гроза
врагов неверных,
На страже красоты ее стою [с. 54].

Если ранние стихи А. М. Шаронова в большинстве своем погружают в глубины исторической памяти, воссоздают многоликий древний мир финно-угорских народностей, где образ поэта перерастает в образ древнего бога, то в более поздних – все настойчивее и настойчивее звучит боль поэта-гражданина, человека, который всей душой переживает социокультурные и политические катастрофы современности. На страницах книги образы сказочных и мифологических героев, таких как Змей Горыныч, Илья Муромец, Алеша Попович, Пургас, Анге-Патяй, Вирява, Ведява, соседствуют

с историческими личностями Ленина, Горбачева, Ельцина и др., жанровые черты оды, гимна, былины соединяются с сатирой. Подобная поэтическая мозаика выполняет важную идейно-смысловую функцию – передает красоту и гармонию древнего мира с его разумным укладом и жизнестроительством и вместе с тем подчеркивает дисгармоничность, а порой и абсурдность современной действительности. Однако в водовороте жизненных конфликтов и невзгод неизменными ценностями для поэта остаются образы родного края, отчего дома, матери, которые ассоциируются с покоем и приютом для уставшей души:

Я иду домой – и сердце
Праздник веселит.
Не шум ветра, голос песни
Надо мной летит.
На крыльце родного дома
Встретит меня мать.
Жизнь ее в тоске-истоме
Сыновей встречать.
Хорошо, когда дорога
В край родимый есть.
Ты на ней под окном Бога,
Радостей не счастье [с. 388].

Поэтическое пространство «Монологов» наполнено не только сказочными и историческими образами, оно вмещает в себя множество топонимов и гидронимов. Все многообразие географического пространства Мордовии и – шире – Поволжья попадает в поэтическое видение автора, воспевающего его природную красоту и духовное богатство народов, проживающих в нем. Поэт любит город Кадомом, который «купает в Мокше древний свой наряд», и влечет, словно волшебный ковчег Ноя; преклоняется перед «тихой» красотой Шокши; восхищается «синеекими рассветами» над Сурой, Саранкой, Волгой и Окой; испытывает восторг перед мокшаночками Адашева и Паёва и т. п. Образ родной Теньгушети дает ему жизненные силы, лечит душевные раны, соединяет с миром предков:

Тревожная весна опять
по миру бродит.
Как белый ландыш, май вчера
во мне расцвел
И за собой на те поля уводит,
Откуда я давным-давно ушел.
Поля те все цветут, как
и в былые годы,
И жаворонка трель висит
на небесах.
Стоит там, как тогда,
погожая погода
В деревнях праздничных
и у людей в сердцах.
Теньгушевская даль
и шокшинская юность
Там встречи ждут
со мной. И я туда иду
По колее дорог колдобистых
и трудных,
Оставив позади лет
дерзостных страду [с. 40].

Поэт детально воссоздает красоту мира, в котором он родился и вырос. Однако его привлекает не просто внешняя красота. За каждым конкретным географическим пространством стоит богатая история родного края, которую прекрасно знает ученый-фольклорист, всей душой переживающий за утрату культурного наследия эрзя-мокшанского народа, забвение его исторического прошлого.

Многие стихи А. М. Шаронова приближены к народным сказаниям, лирическим песням. Они передают неповторимую красоту звучания фольклорных поэтических жанров. Напевная мелодика часто создается за счет использования длинного стиха (пятистопного ямба), параллельной рифмовки, сочетания мужской и женской рифм, уменьшительно-ласкательных суффиксов, аллитерации и ассонансов. Следует отметить, что обилие мифопоэтического материала, ориентация на народно-поэтический стиль не заслоняют фигуру лирического героя, а, напротив, помогают подчеркнуть его душевные переживания:

Земля рассветная
Чам-Пасу молится.
Над тихой речкою ракета клонится.
Река течет-грустит –
до моря далеко.
Сосна стоит-шумит –
до неба высоко.
<...>

Ах, ты судьба моя,
судьба-судьбинушка,
Ты как монашенка,
ты как кручинушка.
Я на рассвет взгляну –
до неба дым стоит.
А на земле весна,
а на лугах цветы... [с. 89].

Своими стихами поэт словно приглашает современного читателя погрузиться в удивительный и таинственный мир национальной мифологии и фольклора, по-новому посмотреть на духовное наследие финно-угорских народов и их роль в современном мире. Этому способствует и привлечение обширного литературного материала. Автор активно вступает в поэтический диалог с поэтами-классиками: Пушкиным, Есениным, Блоком, Маяковским. Он не просто насыщает художественное пространство образами любимых поэтов, но и во многом передает красоту звучания их стиха. Аллюзии и реминисценции на классическое наследие позволяют подчеркнуть преемственность культурных традиций, а также указывают на связь с романтической традицией русской поэзии, где образ поэта воспринимается как образ Творца, являющегося посредником между Богом и человеком. Великую миссию поэта автор «Монологов» видит прежде всего в утверждении истины о единстве многонациональной России, частью которой является и древняя страна Эрзяния. Через всю книгу он проводит мысль о мощи и величии России в современном мировом пространстве:

Есть в России земля
по названью Эрзянь.
Там она, где Москва, Муром,
Суздаль, Рязань,
Арзамас и Тамбов, Выкса
и Кострома,
Берегут ее Велес, Мокошь,
Дажьбог и Ма.
Масторова на ней с Но-
ровавой живет,
На полях, где гречиха в июле цветет,
И несет мед пчела, лета
красного дань,

Чтоб богата была и
 красива Эрзянь.
 Говорит Велес,
 с неба на Волгу сойдя:
 «Эрзя-росс,
 ты божественной воли дитя.
 Ты поэт. Песни пой,
 чтоб рязанская синь
 Неизбывной была
 на великой Руси» [с. 207–208].

«Монологи» привлекают внимание своим монументальным взглядом на судьбу России и ее духовное наследие. Тщательно продуманная архитектура книги актуализирует мировидение поэта-творца как целостную художественную систему, представляет поэтическую био-

графию автора и страны. Несомненно, страстный монолог поэта будет провоцировать на такой же эмоциональный, но уже диалог читателей, всех тех, кто не может оставаться равнодушным к историческому прошлому и настоящему многонациональной России.

Гудкова Светлана Петровна,

*доктор филологических наук,
 профессор кафедры русской и зарубежной литературы
 ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
 (Саранск, РФ), sveta_gud@mail.ru*

Svetlana P. Gudkova,

*Doctor of Philology, Professor,
 Department of Russian and Foreign Literature,
 National Research Mordovia State University
 (Saransk, Russia), sveta_gud@mail.ru*